

Девятое марта

Сергей Чекмаев

ФАНТАСТИКА

Поздний автобус катил по заснеженному городу. Водитель торопился в парк и проскакивал пустующие остановки. Все-таки праздник — хочется попасть домой пораньше...

Получалось плохо. Хоть район и считается спальным, все равно на каждой остановке — группки веселых, явно подвыпивших людей: парни с бутылками пива, по одной в каждой руке, девчонки с охапками цветов. Смеются, возятся от избытка молодых сил, виснут друг на друге. Восьмое марта сегодня — чего не повеселиться?

В открывшиеся двери ввалилась теплая компания, человек десять. Рассаживаются по креслам, благо автобус полупустой. Не обошлось без возни и здесь: кто-то из парней норовит усадить к себе на колени сразу двух девчонок.

— погоди! Да погоди же ты!

Девушки заняты. У одной из них в руке сотовый телефон — видимо, сегодняшней подарок. Аппарат сложный, кнопочек много, хочется во всех разобраться.

Не успели все наконец устроиться, как возник веселый, с подколками, спор. Решалась сложная проблема: как в латинской транскрипции писать русское «я» — «ja», «ya» или «ia»? Похоже, подружки добрались до SMS-функций и собираются теперь осчастливить кого-то письмецом-эсэмеской.

— Надо через этот, как его... ну, «игрек» — это как русское «у», короче...

— Тогда получится «и-а». Ты че, ты ослик, что ли?

— «И» с хвостиком ставь, я видела, так немцы пишут!

А парни хохочут:

— Без бутылки не разберешься!

Действительно, серьезная задачка. Эх, ребята, мне бы ваши проблемы!.. Я прижался лбом к холодному стеклу. Присыпанные снегом тротуары, необычно яркие, в разводах цветных кругов, фонари...

За моей спиной взрыв смеха: кто-то из парней рассказал разухабистый анекдот. Пошлый, на уровне армейского юмора. Не для женских ушей, но сегодня можно — сегодня все веселы и раскованны.

Кроме меня. Ведь завтра — девятое марта, и завтра я снова уйду. Пока еще не знаю, каким способом: судьба (если это, конечно, она) весьма изобретательна. В последний раз меня сбила невесть откуда взявшаяся на пустынном проселке «Волга». А до этого, два года назад, обошлось без посторонних: просто потемнело в глазах, мир крутанулся пару раз, и... Инфаркт или кровоизлияние в мозг... А три или четыре раза назад, помнится, меня прикончили совсем уж экзотично: прямо под моими ногами взорвался газовый коллектор.

Впрочем, я могу и ошибаться. Ведь до конца разглядеть собственную смерть мне не удавалось ни разу. Как, наверное, никому в этом мире. Однако, появившись снова, я пытался отыскать в газетах и миллионных сводках сообщения о МОЕМ происшествии. Все зазря. И все-таки однажды выяснилась подробность, которую при иных обстоятельствах можно было бы назвать забавной. На второй раз у меня возникли смутные подозрения, а на третий они превратились в уверенность.

помню все свои прежние жизни. Помнил и тогда.

Поначалу ничего необычного, всё как у других. Языковая школа, неудачная попытка поступить в институт, два года службы на Алтае, потом худучилище, полуголодная божественная жизнь, скитания по друзьям и женщинам-однодневкам и, наконец, первые заказы, мастерская. В столице тогда была мода на антикварную мебель, и мои акции поползли вверх. Ведь я, забыл сказать, — реставратор, столяр-краснодеревщик. Денежная профессия, если у тебя есть вкус и хорошие руки.

Так все и шло до марта 2002-го. Странный год, год-перевертыш, палиндром. Сейчас я, конечно, могу говорить, что чувствовал нечто необычайное, приближение странных событий. Нет, ничего я не чувствовал — жил, как жилось. Пока не умер в первый раз, на следующий день после женского дня, после трех огромных букетов, уютного застолья с французским белым «Шато д'Ор».

Когда я ожил, то вспомнил всё, до последней секунды. Вспомнил, как некто с быстрыми глазами вдруг вытащил из-за пояса серебристо-матовый пистолет. Со всех сторон набежали крепкие парни в камуфляже. Кто там выстрелил первым, было не разобрать: неожиданно по ушам ударило звонкими хлопками, в воздухе кисло пахло порохом, и тут же что-то горячее стукнуло меня в грудь. Боль и темнота...

Я все это помнил. Вспомнил потом, когда ожил, сразу же. И потом не раз искал ТО место, даже приходил на Петровку, пытался там что-то доказывать. Боюсь, меня сочили не совсем нормальным... Во второй раз я уже почти не удивлялся. Но, ожив, первым делом спустился в пахнущую штукатуркой сырость подземного перехода (места были мне незнакомы, лишь потом на вывеске ближайшего дома я прочел: «Нахимовский проспект») и купил в киоске газету. Число меня поразило: четырнадцатое мая 2001-го. Я долго пытался это осмыслить... Самое забавное, что все мои друзья, знакомые и другие контакты остались прежними — ну разве что чуть-чуть, самую малость, непохожими. А может, мне просто так казалось. И лето, и осень, и даже зима потом развивались уже по другому сценарию, но девятое марта, девятое марта 2002-го, я снова не пережил.

В третий раз я очнулся прямо посреди бульвара на Чистых прудах. На меня никто не обращал внимания, из чего я заключил, что не появился из воздуха, а уже был здесь: ну шел себе человек по каким-то делам, остановился на секунду, закружилась голова... Было заметно теплее, чем в прошлый раз. Солнце ощутимо пекло, легкий ветерок гнал по улицам тополиный пух. У станции метро продавец газет обмахивался своим товаром, на его лбу выступили крупные капельки пота.

— Сегодняшняя газета есть?

— Завтрашний «МК» есть! Десять рублей. Хотите?

Я хмыкнул про себя — тоже мне, продавец будущего! Порылся в карманах — как и в прошлый раз, деньги были.

«МК» оказался от седьмого июня. Наверное, я сильно переменялся в лице, поскольку продавец спросил с тревогой:

— Что с вами? Типографский брак? Нет проблем, не волнуйтесь, я заменю! — Я не отвечал, и он продолжил: — А-а, вы первую страницу смотрите! Хреново, что наши проиграли, да?..

Постепенно я привык. Девятое марта — это край, конец пути. И — назад, в 2001-й, май или июнь. Самое, так сказать, раннее для меня пока — второе мая, а позднее — девятнадцатое июня, когда я очнулся посреди какого-то пустыря в Алтуфьево. Так и крутит меня какой-то сплошной круговорот, и не видно ему конца и края.

Но я привык. Да, поначалу было страшно жить эти месяцы, жить как все, ничем не выделяться, но постоянно помнить, что очень скоро ты умрешь, умрешь, и все закрутится по новой. Я даже сходил в церковь, хотя не могу сказать, что когда-либо считал себя верующим. Священник выслушал меня молча, ничего не сказал, лишь осенил крестным знаменем. А когда я почти крикнул: «Скажите, батюшка, что мне делать?!», он ответил тихо-тихо, словно самому себе: «Ищи, сыне, да обрящешь...» Я потом смотрел: это из Библии.

Автобус тормознул на перекрестке. Водитель, скорее всего со скуки, включил запись. Вкрадчивый голос сквозь шипение и треск принялся увещевать: «Не забывайте оплачивать свой проезд и сохраните билет до конца... Безбилетным считается пассажир, не оплативший проезд до следующей...» Мои молодые попутчики встретили эту маленькую речь взрывом смеха и едких замечаний. Автобус тронулся. А я вспомнил, как проявился в последний раз.

Тогда я очнулся в салоне троллейбуса и еще не совсем пришел в себя, как неожиданно над головой вот так же зашипело: «Следующая остановка — метро Щелковская, автовокзал, конечная». Меня вынесло наружу монолитом разгоряченных тел, и уже без какого-либо интереса, скорее по привычке, я купил газету. Двадцать третье мая. Нормально! Традиция...

Этот сегодняшний автобус мне надоел. Хватит, до конца моего вечного восьмого марта остается совсем немного.

Я поднялся и прошел в конец салона. Наконец остановка — двери с треском распахнулись. Прогрохотав по ступеням толстенными подошвами своих «гриндеров», я соскочил на снег, а перед тем чуть не столкнулся в дверях с быковатым типом в модной кожанке с мехом. На остановке пусто, только какая-то одинокая фигурка прячется на лавке в самой глубине. Может, бомж — отсюда, почти в темноте, не разглядишь. Да и Бог с ним.

Но что-то удержало меня. Впрочем, не «что-то», а этот скорчившийся человечек на лавке. Сделав вид, что хочу прочесть объявление, косо прилепленное на стойку остановки, я подобрался поближе.

Бог мой, девушка! Голова опущена, длинные волосы падают на лицо, не по сезону тоненькое пальтишко... Она обхватила руками плечи, которые то и дело вздрагивают. От холода? Да нет, кажется, она плачет.

Теперь я уже не мог просто так уйти, хотя настроение у меня было — ну в самый раз для петли.

— Разве можно плакать в такой день? Сегодня же твой праздник!

Она подняла на меня глаза. Несмотря на скудное освещение, я поразился, какие они у нее необычные. Глубокие, темные, словно (да будь проклята моя тяга к плоским цитатам!) два бездонных омута. И в уголках — прозрачные слезинки.

Что-то она прошептала, я толком не расслышал. Кажется: «Тебе бы так!» Эх, усмехнулся я про себя, знала бы ты... И присел перед ней на корточки:

— Слушай, не бойся. Я не маньяк и не искатель острых ощущений. Просто увидел человека, которому плохо, и решил по-

мочь. Если я не ко времени или ты сейчас никого не хочешь видеть — скажи, я исчезну. Тем более что мне это... уже совсем просто. Но, по-моему, тебе нужно что-то сказать. Разве нет?

Она долго молчала, и мне показалось, что это означает одно: проваливай! Ладно. Но стоило мне пошевелиться, как возник тихий голос:

— Погоди.

И снова молчание. Чтобы хоть чем-то заполнить паузу, я спросил:

— Тебя как зовут-то?

— Мария.

— Красивое имя.

Ну полный идиот! Еще бы сказал — редкое. Что делать: видно, язык у меня подвешен не так, как надо.

— А сокращенно как? Мэри?

— Нет, — всхлипнула она, опять ошеломив меня глубиной взгляда, — Маша.

— А я — Джо.

Маша, Маша! Она даже плакать перестала. Подняла на меня покрасневшие глаза, удивленно переспросила:

— Джо?

— Ну, так меня зовут друзья. Я привык.

— А-а, ладно...

Не объяснять же ей в самом деле, что мои родители нарекли меня Иосифом. В детстве еще ничего было — Еська или Иська, никаких ассоциаций, а вот в школе, да и в учебке кроме как Сталиным и не звали. В крайнем случае — дядей Джо.

И тут Маша улыбнулась. Еле приметно, уголками губ. Никогда не думал, что лишь упоминание моего имени способно высушить чьи-то слезы.

Странно. Вот сейчас, когда в полутьме возникла ее еле приметная улыбка, мне показалось, что я где-то уже видел лицо этой девушки. Нет, определенно!

А потом она коротко рассмеялась. И тут же смутилась:

— Не обращай внимания, э... Джо. У меня, наверно, истерика — то плачу, то смеюсь. Просто вдруг вспомнила анекдот. Помнишь, про неуловимого Джо?

Я улыбнулся. Конечно! «По прерии скакал неуловимый ковбой Джо. Неуловимый — не потому, что неуловимый, а потому, что никому не нужный».

Стало легче. Мало-помалу мы разговорились. Точнее, говорила она, а я больше молчал, изредка кивая, в основном невпопад, потому что ее глаза прямо-таки гипнотизировали меня.

Оказалось, Маша была художницей. Поначалу, как и обычно, рисовала только для себя, потом пару раз участвовала в выставках молодых талантов. Ее заметили, потихоньку пошли заказы на промышленный дизайн, а иногда какой-нибудь нувориш заказывал портретик любимой собачки. Жить было на что. Только не с кем. Родители умерли, еще когда Маша училась в Строгановке, а старшая сестра вышла замуж и теперь навещала изредка.

В общем, одна. Богемная тусовка богата на случайные связи, искать в ней что-то большее бесполезно, по себе знаю. Но Маша верила. Вот вроде бы нашелся тот самый, настоящий, на кого можно положиться в любой момент, и вдруг — всё прахом. И наверное, как она считала, по ее вине: из-за устаревших взглядов и всяческих неистребимых комплексов.

Последний такой случай — именно сегодня: тот самый быкообразный тип, с которым я столкнулся в дверях автобуса. Он покатал Машу на своей машине, сводил в дешевый полуподвальный ресторанчик, после чего решил, что на пару часов в постели заработал. Оставил машину на стоянке (поскольку выпил, а гаишники в праздники всегда лютуют) и довез Машу на автобусе до дома. Стал напрашиваться в гости и даже не скрывал для чего. Получив отказ («Нет, не сегодня,

нам надо получше узнать друг друга»), бык вскипел и, обозвав Машу фригидной сукой, бросил ее одну на этой останке...

Мы проговорили уже больше часа. И тут до меня дошло:

— Ты замерзла?

— Очень, — честно призналась она. И затем удивленно добавила: — Но пока ты не спросил, я этого и не замечала.

— Давай я тебя провожу.

— Да мне недалеко.

— Не спорь. Дрожишь вся. Вот что, — я снял куртку, накинул Маше на плечи, — пойдём!

Подъезд оказался на удивление чистым. Только на двери лифта кто-то старательно вывел черным маркером: «Offspring». Надпись была с ошибкой.

Маша протянула мне куртку, зябко поежилась:

— Спасибо, Джо.

— Не за что.

Надо было, конечно, попроситься в гости на чашечку кофе, скрасить этот вечер ей, да и себе тоже, если быть честным, но... Я молчал.

— Ну... — Похоже, она тоже не знала, что говорить. — Пока.

— Пока, — ответил я грустно.

Маша как-то неуверенно кивнула, повернулась, и каблук ее изящных лакированных сапожек застучали по ступеням. Я не мог оторвать взгляда от ее стройных ног и машинально считал ступени: раз, два, три... Всего их оказалась семь. Поднявшись на лестничную площадку, Маша зазвенела ключами. Оказывается она жила на первом этаже.

Я продолжал стоять на месте и смотрел снизу вверх. Какое-то мимолетное ощущение... Ну, да! Вроде бы я уже видел ее вот так — снизу вверх. Видел. Когда и где, не помню... точнее, не могу заставить себя вспомнить. Но видел! Ну же, Джо!

Наверное, она почувствовала мой взгляд. Обернулась.

— Ну, так и будешь стоять там? Тогда уж поднимайся.

Я взлетел по ступеням. Маша все никак не могла справиться с замком — теперь было заметно, что она сильно дрожит. Замерзла-таки! В подтверждение этому она вдруг чихнула, запоздало прикрыв рот ладонью.

— Простудилась, — резюмировал я и протянул руку к ключам. — Дай я попробую.

Она передала мне ключи и снова чихнула. В общем, понял я, совсем расклеилась.

Квартирка у Маши была небольшая, но уютная. Небольшая прихожая, сплошь заставленная какими-то резными фигурками, этюдниками и большими потертыми тубусами. Фигурки занимали почти все пространство на трех высоченных этажерах, тубусы и этюдники были составлены у архаичной деревянной вешалки, искусно сработанной под мореный дуб.

Маша то и дело шмыгала носом, а когда я, помогая ей снять пальто, случайно коснулся ее ладони, стало понятно: дело плохо.

— Маш, да у тебя температура! — Я потрогал ее лоб (печка!). — Ну-ка, садись!

Она покорно уселась на выдавший виды колченогий табурет, а я, встав на колени, расстегнул липучки на ее сапогах. Она дернулась, хотела было спрятать одну ногу за другую:

— Джо, ну что ты, в самом деле? Я и сама могу.

— Можешь, конечно, можешь, — ворчал я, возясь с непослушными сапожками, которые никак не хотели сниматься. — Вот выздоровеешь и сразу сможешь.

Маша больше не пыталась сопротивляться, лишь изредка хлопала носом.

Потом мы прошли в ее комнату, оказавшуюся единственной. Не комната, а настоящая студия, таинственная богемная

ФАНТАСТИКА

нора, заставленная мольбертами. Два больших, под потолок, окна, завешаны плотными, едва пропускающими свет шторами с гардинами (вот она, плата за первый этаж). Но полоска света из прихожей ровной дорожкой ложится на пол, выхватывая из полутьмы пушистый ковер; похоже, хозяйка, любит расхаживать по дому босиком. Стены увешаны незаконченными, полузаконченными и едва начатыми эскизами, старыми фотографиями. В одном из углов комнаты — карта Московской области, испещренная странными пометками. Над ней скалится африканская маска.

Маша снова чихнула. Уложить бы ее, уложить, согреть. Только куда? Кровати нигде не видно. В центре — свободное пространство, только косолапо расставил подпорки большой мольберт.

— Где же ты спишь? — Но едва сказал это, как заметил у дальней стены узкий диван, накрытый темным пледом. — А, понял!

Наконец я уложил ее и, укутав этим пледом, подоткнул его края под ее тело. Слово в детстве... Она следила за моими действиями из-за полуопущенных век. Встретившись со мной взглядом, несмело улыбнулась. И уже в который раз я оказался заморожен странной, мерцающей глубиной ее глаз.

— Лежи, девочка, согревайся! — улыбнулся ей в ответ. — Сейчас мы переберем всех твоих микробов могучими лекарствами. Только в аптеку сбегаю. Скажи, где тут у вас эта аптека, я ведь тут... впервые.

— Не надо. На кухне, в шкафу...

Маленькая кухонька больше походила на декорацию к спектаклю о декадансе семидесятых. Центр интеллигентских посиделок. Раковина прижата вплотную к кухонному шкафу, даже скорее шкафчику, плита — к холодильнику, тот в свою очередь — к миниатюрному столику. Над раковиной — сушилка, из глубин которой я извлек трогательную чашку с нарисованным на ней грустным медвежонком. На шее у него — бантик, а в руках плакат с надписью: «I'm blue without you». Неискушенный в английском усмотрел бы в ней некоторую игривость с намеком на нетрадиционную сексуальную ориентацию. Ну еще бы! Дословный перевод: «Я голубею без тебя». Хотя по-русски мы бы сказали так: «Я без тебя скучаю».

Ну ладно, вот и искомая синяя коробочка. Я наполнил водой электрический чайник «Мулинекс» зализанных форм, щелкнул тумблером. Он тут же зажег красный глазок и угрожающе зашумел. Пока это чудовище закипало, я разорвал пакетик, высыпал в чашку порошок. Секунду подумал, потом высыпал и второй.

Когда я принес в комнату исходящую паром чашку, Маша, казалось, спала.

— Проснись! «Скорая помощь» прибыла.

Она открыла глаза, приподнялась на локте, приняла из моих рук питье. Я смотрел, как она пьет маленькими глотками, дует на кипятки, вытянув губы трубочкой.

— По мне, так лучше чаю с малиной, — сказал я. — Не верю я во все эти таблетки и быстрорастворимые аспирины. Одно лечишь, другое калечишь.

ФАНТАСТИКА

Маша сделала еще глоток.

— Фу-у, горячо!.. Ты говоришь, прямо как моя сестра Лизка. У нее муж — священник, отец Захарий. Тоже всем этим средствам не доверяет. Дескать, от лукавого. Его послушать, так лучше чая с малиной, ведра с горчицей да хорошей бани — и нет ничего. И Лизка вслед за ним...

Маша говорила, а я смотрел на нее и улыбался.

— Джо, у меня к тебе еще одна просьба, — сказала она.

— Да хоть сто!

— Там в секретере, внизу, слева — маленький ящичек. В нем всякая мелочевка. Поищи градусник...

Температура и в самом деле оказалась нешуточной: 38,9. Я прямо опешил, но Маша вздохнула легонько:

— Сейчас лекарство подействует, и жар спадет немного. А потом надо будет просто поспать. И все пройдет.

Я недоверчиво хмыкнул, а затем услышал:

— Джо!

— Да.

— Побудешь со мной, ладно?

— Конечно, побуду.

— И когда я засну, ты ведь не уйдешь?

Я чуть не поперхнулся.

— Господи, Маша, конечно, нет.

— Хорошо, — прошептала она и закрыла глаза.

А я подумал, что завтра утром настанет девятое. Девятое марта. Снова — девятое. Мой день. И мне придется уйти. В любом случае — как бы она ни просила меня остаться.

— Знаешь, — сонно пробормотала Маша, — у меня такое чувство, будто я тебя знаю сто лет.

— Да, именно. Спи! — шепотом приказал я, стараясь не выдать удивления.

Вот как! И у нее то же самое. Дежа вю, честное слово! Где же я мог ее видеть? Ну не на вечеринке же: такие глаза вовек не забудешь! Даже если увидел их после третьего абсента...

Двойная доза «Терра-флю» подействовала быстро. Маша спала, а коктейль витаминов и антибиотиков гнал из нее жар. Она ворочалась во сне, что-то шептала. Я сидел рядом и изредка промокал испарину на ее лбу платком, смоченным в холодной воде.

Потом меня все-таки сморило. Это я понял уже утром, когда проснулся. И обругал себя: тоже мне, взялся сон охранять, рыцарь!

А настроение было удивительно светлым. Наверное, из-за сна, который мне привиделся. Я отчетливо вспомнил... нет, не сам сон... только ощущение этого сна: нечто яркое, чистое, спокойное.

И утро оказалось таким же. Похоже, ночью выпал снег, а тут еще ярко засветило солнце — все искрилось и переливалось на ровной снежной, будто льняной, скатерти... И тут я вспомнил самое главное: сегодня же девятое! Девятое марта!

Меня словно током ударило. Я посмотрел на Машу. Свернувшись калачиком под пледом, она безмятежно сопела. А я? В любой момент — может быть, прямо здесь, в этой уютной

квартире, неведомая сила, мое проклятие, нанесет удар. И тогда бедной Маше вдобавок к простуде прибавятся еще и хлопоты с бездыханным телом несчастного Джо. Значит, надо срочно уходить. Лучше уж меня, холодного и посиневшего, подберет в сугробе труповозка — спишут как замерзшего бомжа. И никому никаких проблем.

Надо только записку оставить, чтоб не беспокоилась. Хорошо еще, что вчера не додумался телефон ей свой дать, а то вот как могло выйти: «Здравствуйте, можно услышать Джо?» — «Иосифа Давидыча? А он умер. Сегодня сообщили: в сугробе подобрали. Напились, наверное, вчера и замерз. Насмерть». (Моя квартирная хозяйка никогда не отличалась тактом.)

Сейчас набросаю что-нибудь. Ах, черт, как назло, не взял блокнот! Ручку взял, а блокнот — нет. Ну не на зеркале же губной помадой писать!

Стараясь не шуметь, я на цыпочках прокрался через всю комнату. Искомая бумажка оказалась каким-то телефонным счетом. Сойдет.

И что же написать? Я задумался, поднял глаза. Взгляд скользнул по старинному, пятидесятих годов, механическому календарю с массивным гербом СССР, истекшему воском подсвечнику, пожелтевшим фотографиям на стене... Стоп, календарь!

Немного побуревшая от времени пластинка с надписью «март», над ней — окошко для числа.

Десятое. Десятое марта.

Я помотал головой, зажмурился, снова открыл глаза. Навяждение не исчезло. Гордая, как ракета Гагарина, единичка и пухленький нолик словно издевались надо мной. Я судорожно закатал рукав свитера, зацепился за ремешок часов, рванул — ткань затрещала. Старые верные «Сейко» услужливо поморгивали двумя точками, разделяя часы и минуты. Дрожжущими пальцами я нажал на правую верхнюю кнопку. «Сейко» моргнули, появилась дата: «03.10.2002. SUN». «Воскресенье, — машинально отметил я. — Десятое марта».

То есть не девятое. Десятое.

Маша все так же спокойно спала под пледом. Я подошел, укрыл ее поудобнее, легонько прикоснулся к тонкой, почти прозрачной руке. И стал ждать пробуждения...

Господи, Мария, кто же ты такая? Всё это время... все эти попытки, растянутые на год — вечный, крутящийся словно в карусели, — получается, я искал тебя. И наконец нашел. Круг замкнулся, и я выглянул за его край. Что же теперь?

Мария и Иосиф... Какое знакомое сочетание имен, а?